

ЖУТКАЯ КНИГА

ИРМА ХАН,
МАРА КИ

ЧЁРТ,
ПОДМОСТНЫЙ,
ДОМОВОЙ —
КТО ТЫ ТАКОЙ?

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	5
Глава 1	16
Глава 2	30
Глава 3	45
Глава 4	59
Глава 5	66
Глава 6	85
Глава 7	106
Глава 8	119
Глава 9	129
Глава 10	138
Глава 11	148
Глава 12	157
Глава 13	172
Глава 14	188
Глава 15	211
Глава 16	219
Эпилог	237

ПРОЛОГ

Старик вышел на улицу и с наслаждением, полной грудью вдохнул свежий, бодрящий морозный воздух.

Осень на исходе...

Под яркими звёздами светло, как днём. В нескольких метрах от избышки вьётся речушка — красуясь лунной дорожкой, прячется под старый финский мост. Старик прислушался к едва различимым шорохам и улыбнулся:

— Погодите чуток. Сейчас хлеб из печи достану... Сейчас!

Сгорбившись и кашлянув в кулак, дед Матвей побрёл назад, к дому. У крыльца он ловко прихватил рогатину, скинул бечёвкой подвязанные башмаки и бесшумно, будто тень или призрак, скользнул внутрь. К печке. Чёрный кот, завидев хозяина, вскочил, выгнул спину и сладко зевнул, вонзив когти в шерстяное одеяло — мягкое, тёплое...

Шорох, монотонное бормотание, и вот уже плывёт по комнате дразнящий аромат свежеиспечённого хлеба. Старик отодвинул заслонку печи — отблеск пламени жадно скользнул по морщинистому лицу.

— Вот и угощение подоспело.

Дед вытащил круглый румяный каравай, смазал корочку сливочным маслом. Накрыл сверху льняной салфеткой — пусть отдохнёт, поостынет, пропитается, так ведь не только людям вкуснее...

Он неторопливо разложил на столе разноцветные ленты — одни узкие, другие широкие. Зажёг свечи. Свечи непростые — вручную скатанные из воска с травами (сам собирал, сам сушил), с душой да с наговором. Свеча трещит, от трав вспыхивает. Мозолистые пальцы старика с нежностью выбирают ленты, привязывая каждую к рогатине на своё место. Кот, мурлыча, трётся о ноги хозяина — волшебство чувствует.

Ловцом снов расцвело меж двух обструганных веток шёлковое разноцветье — любо-дорого посмотреть! В отблеске свечей затрепетали по стенам тени. Одна из них отделилась: шупленькая, востроносенькая старушонка в свободной одежде.

— А, пришла. Ты — первая, — усмехнулся дед Матвей.

— Пришла, пришла! — закивала головой старушонка и повела носом по сторонам:

— А чем это у тебя так вкусно пахнет?

— Да вот духам подмостным да лесным каравай испёк.

— Им испёк, а про меня забыл?! — тень недовольно задрожала, запрыгала по стене.

— Забудешь про тебя, как же! — хмыкнул Матвей и отломил небольшой кусок от каравая.

Встал и протянул к стене:

— Прими, подруженька, наш хлеб да с маслицем, да только из печи вынутый, для духов и тебя, Кикиморы, испечённый на радость, усладу, да на доброе к вам отношение.

Из стены вытянулась тощая ручонка с длинными костлявыми пальцами. Схватила хлеб из рук Матвея

и исчезла в стене. Раздалось чавканье — будто ходит кто по болоту.

— Хорош хлеб-то!

— Заходи в следующее полнолуние на угощение.

— А молока, что ли, нет? — тень выросла и заползла на потолок, коброй нависнув над дедом. — Уж больно молочка охота.

— Сейчас крынку принесу.

Матвей направился в сени, принёс глиняный кувшин.

— Вот тебе молоко. Только ты уж не мешай мне...

— Это для лесных? — тень качнулась в сторону рога-тины.

— Для них, — сухо кивнул старик.

С Кикиморой долгих да душевных разговоров лучше не заводить. Даже приняв угощение, она всё равно остаётся лесной нечистью — холодной, голодной, не обласканной. Угостил и иди себе! Не то понравишься Кикиморе, и захочет она утащить на дно болотца кусочек тепла из живого мира...

Тень исчезла, а вместе с ней и кувшин с молоком.

— Кувшин верни, — зло прошипел чёрный кот. — А то не напасёшься на вас!

Васька был кот запасливый и во всём любил порядок. Инвентарю деда Матвея счёт нужен, чай вещички-то не казённые! Что до Кикимор, то у них и вовсе с котами вражда давняя, непримиримая. Дед Матвей как-то раз даже обещал Ваське рассказать из-за чего, но так и не нашли они время для разговора. Ещё бы... Такие дела творятся — куда там!

Вот ведь как получается (думал Васька) — чувство неприязни свойственно обоим — нечистой силе, стало быть, и коту. Не простому коту. Говорящему! Коту колдуна. Это, если разобраться, то он, кот Васька, нечистая сила и есть? Так почему же...

— Ты, Василий, это брось, — не оборачиваясь, проворчал старик, любуясь собственной работой. — Брось философию разводить. Не то треснет твоя кошачья башка, что тыква в печи!

— Подслушивать чужие мысли неприлично, — обиженно проворчал кот.

Тут раздался лёгкий стук и по ковровой дорожке прямо к ногам старика покатился пустой кувшин.

— Вот и ладненько... вот и хорошо...

— Конечно, хорошо! А кто позаботился?

— Ты молодец, Васька... Молодец. Расскажу я тебе про Кикимору. Расскажу, как время будет.

Дед Матвей погасил свечи, взял холщовую сумку.

— Со мной? — бросил коту через плечо.

Васька фыркнул и одним прыжком оказался у старика на плече.

Молча отправились они к мосту. Бутыль пива в холщовой сумке булькает, аромат хлеба плывет в вечерних сумерках.

В деревне Чурмилкино дом деда Матвея стоял на самом краю, в стороне. И странное дело — едва старик с котом сделали от домика (небольшого, но обжитого и ухоженного) несколько шагов, как... Избушка покосилась, точно присела. Окна, треснув, рассыпались, не издав ни звука. Двор зарос бурьяном, углы — паутиной, будто лет десять к этому месту не приближался ни один человек...

Старик идёт, кот качается на его худых, но сильных и жилистых плечах, словно капитан у штурвала в бушующем море.

Дед Матвей неторопливо шёл к мосту. Залаяла собака Жучка и... исчезла. Одна за другой избушки немногочисленных обитателей Чурмилкино показывались и... рассыпались в прах. Аромат свежееиспечённого каравая,

пльвущий из холщовой сумки, вернул прошлое лишь на мгновение. Вернул, потому что колдун этой лунной ночью вспомнил прошлое.

Скрипнули дощечки ветхого мостика. Матвей, вздохнув, разломил каравай, открыл бутылку с пивом:

— Пришёл я к вам, водяные да подмостные — не с пустыми руками, но с угощением. Примите дар!

Тёплый ещё хлеб плюхнулся в речку, побежали круги по воде — сначала едва-едва, затем всё быстрее, и вот уже устье реки превратилось в мощный водоворот. Две тёмные ладошки вынырнули из воды! Одна пара, две, три — захлопала нечисть, засвистела, заулюлюкала, захохотала. Ветер взвыл, мост стал раскачиваться, кот зашипел и вцепился старику в плечо, распушив хвост.

— Трапезу раздели с нами, колдун! — послышалось из-под моста.

— Это всегда можно, — кивнул Матвей, сделал три больших глотка, остальное вылил в реку.

— Проходи, старик! — раздался низкий голос, и река тут же успокоилась, словно и не было ничего.

Подхватив рогатину и мешок, старик повернул в лес. У поваленной грозой сосны резко свернул и... исчез.

— Тёплый нынче какой октябрь, — вздохнул дед Матвей, укладывая хворост для костра.

Костёр разгорелся, колдун вынул из-за пояса нож с чёрной ручкой:

— Мёртвых от живых отделяю, — бормотал он, обходя костёр и рассекая ножом воздух, — миры разделяю, вас, духи лесные, призываю. Выходите! Добрые, и злые, тёмные, и светлые, сытые и голодные. Примите плату за то, что на просьбы откликаетесь, меня не чураетесь, от работы не отлыниваете.

Оставшийся хлеб Матвей положил на камень, облил молоком. Зашумел лес, закачались деревья, смех и шёпот, что раздался по округе, случайного путника враз лишили бы рассудка. Захрустели ветки, заплясали тени от пламени свечей, что расставил старик вокруг костра.

Аромат трав пьянит морозный воздух, нечисть беснуется вокруг каравая, ленточки на рогатине пляшут, улыбается дед Матвей. Кот Васька то с одной, то с другой тенью на перегонки бегает, в чехарду с духами играет. Хорошо колдуну в лесу.

Спокойно...

Вдруг ветка хрустнула. И не по прихоти лесных духов — чужой на их шабаш пожаловал. Жаль. Испортят ведь всё веселье! Ночь сегодня особенная, он старался духам угодить — сделал всё, как те любят, у него и разговор к ним серьёзный, и просьба немалая.

Эх...

Нечисть замерла: кто пнём прикинулся, кто — веткой. На поляну вышли двое мужчин, остановились в паре шагов от хозяина полянки.

— Ты смотри, — хрипло хохотнул один из непрошенных гостей. — Старик один в ночи шастает... Не страшно, уважаемый?

— Страшно? Страшно было. Один раз. Немец спалил односельчан в избе. Жаживо. Тогда было страшно, теперь — нет, — спокойно ответил Матвей, подбросив в огонь несколько веток.

— Ещё скажи, что смерти не боишься, — голос второго оказался тонким и неприятным на слух.

— Со Смертью договориться можно.

— Это как же?

— Очень просто. Жизнь одного предложить Костлявой в обмен на свою. Тебе сколько? Сорок пять? — Старик ткнул пальцем в писклявого грубияна — отблеск от костра осветил его тучную фигуру. — Жить тебе осталось до семи-десяти пяти. Значит, лет тридцать с тебя себе заберу.

Толстяк побледнел, но лишь на мгновение:

— Тебе конец, — он провёл ребром ладони по горлу, вынул нож из-за голенища и стал подкидывать, ловко ловя за рукоять.

— Уверен?

Старик стал медленно подниматься с поваленного дерева. Он всё поднимался и поднимался, пока не стал ростом с вековую сосну.

Мужики попятились.

— Ты это видишь? — шёпотом спросил низенький. — Или мне кажется?

— Бежим! — пискнул полный, выронив нож, и оба со всех ног бросились в чашу.

— Что стоите? — шёпот тени старика был слышен в каждом уголке леса, каждую белку разбудил, всех волков поднял, птиц всполошил! — Духи тёмные! Духи светлые! Смутьянов накажите, под ноги бросайтесь, за одежду хватйтесь, страху нагоните, в дали дальние, миры перекрёстные загоните!

Что тут началось! Лес ожил. Звери, птицы, духи — всё смешалось в один вихрь, валились деревья, преграждая путь несчастным беглецам, что и без того вязли в топи возникшего под ногами болота. Костлявые пальцы кикимор царапали кожу, птицы норовили выклевать глаза, огоньки волчьих глаз замаячили в чаще...

— Витька, что это?! — жалобно взвыл толстяк и... пропал вслед за товарищем.

Незначительное недоразумение стёрлось из памяти деда Матвея в ту же секунду. Старик сидел у костра, смотрел на пламя и... вспоминал.

Тысяча девятьсот сорок первый год.

Десятилетним мальчишкой он приехал на летние каникулы из Ленинграда в Чурмилкино — к бабушке с дедушкой. Там уже ждала его неразлучная четвёрка. Петька, Гришка, Полинка и Галинка. Лес — рядом. Рукой подать до речки. И всё это — их. До самого конца августа! После приедут родители, чтобы забрать в школу — его, Гришу, Галю и Полю — в Ленинград, а Петьку — в Приозёрск.

Последнее лето их счастливого детства. До войны двенадцать дней. Разве могли они представить себе тогда, чем закончатся летние каникулы?

Матвей вздохнул. Потряс головой, прогоняя тягостные воспоминания. Вот только нет такого ритуала магического, нет такого духа из всей нечистой братии по ту сторону, что могли бы унять боль в душе. Стереть память. А жаль. За час без воспоминаний он отдал бы... Да всё, что угодно отдал бы. Кроме Васьки. Единственного друга он бы предать не смог. Хоть он и кот.

— Что ж... пора приниматься за дело, — он встал, воткнул рогатину в центр очерченного золой круга: — Стражник! Зову тебя. Появись. Мгновенно, сию минуту приди ко мне и выслушай мою просьбу!

По лесу поплыл мелодичный звон — зазвенели привязанные к рогатине колокольчики.

— Зову тебя, призываю, о помощи взываю! Нужных людей ко мне приведи — дорогу запутай, нашепчи, обмани, пошли знаки. Жду их, как голодный — хлеба, как узник — неба.

Аз фар роми ферти! Мирта сати фон!

Притча о котё и Кикиморе

– Бабушка, бабушка! Котейка шипит, спину выгибает!
А рядом нет никого...

– Есть, внучек. Ты просто не видишь. А Черныш – видит.

– Это как?

– Котё не только наш мир видит. А шипит наш Черныш
известно на кого – на Кикимору!

– А ты откуда знаешь...

– Ха-ха-ха... Вот поживёшь с моё... Может, тоже знать
будешь.

Бабушка склонила голову и как-то странно посмотрела
на внука...

– А почему он на неё шипит?

– Недомодливают котё кикимор.

– Почему?

– Ложись в кроватьку, Матвейка. Я тебе одеялко со всех
сторон подоткну, а ты слушай да не перебивай. Было это
давно... Очень давно. С нечистью человек что тогда не дружил,
но и не ссорился, что и сейчас так. Худой мир лучше доброй
ссоры – каждый из миров существует по своим законам.

А только тогда в каждом доме домовый жил. В каждом
дворе – дворовой, под мостком – подмостный, а кикиморы...
Кикиморы везде шастают, известное дело. Домовой порядок
любил, за скотиной приглядывал. Дом от злых сил защищал.
Хозяйка корову подотит – поставит домовому мисочку с мо-
локом в укромное место. А кикимора... Она не злая. Если,
конечно, не забрёл на болото одинокий путник. А в дому
человеческом вреда от неё немного. От Кикиморы. Да и поль-
зы никакой – всё у неё из рук валится. Не домовитая она
нечисть. На болоте хозяйством особо не обзаведёшься. Может,
потому и имеет Кикимора страсть к делам хозяйственным...

Бабушка рукой щеку подперла – задумалась. Матвей слушал внимательно, боясь под одеялом шевельнуться лишний раз – бабушка редко соглашается истории про нечисть рассказывать, всё больше отмахивается. Сегодня вечером повезло, уж он своего не упустит!

– Слышал, прошлой ночью котелок с печи упал?

Матвейка кивнул.

– Так это Кикимора его уронила.

– Зачем?

– Убрать хотела, да не удержала. И так во всём. Прясть начнёт – кудель запутает. Начнёт распутывать – прялку уронит. Начнёт прялку поднимать – веретено по полу покалтит. Шуму наделает. Непутёваз, одним словом.

И вот однажды зашёл в избу кот. Из любовничества зашёл. Без злого умысла. А домовой лежит на печи, охает. Кот на печь запрыгнул и говорит:

– Что, дедушка, маешься?

– Да, вот, – отвечает домовой, – Кикимора хотела на полках прибраться, да корчагу уронила мне прямо на голову. Смотри, шишка какая!

– Дай-ка я тебе помогу, – сказал кот и лёг вокруг головы домового.

Легит. Мурлыкает. Домовому полетало, повеселел он и давай кота благодарить. Своё молоко ему отдал. Кот лакает, домовой кота гладит да приговаривает:

– Приходи, – говорит, – в любое время, молока сколько хочешь пей, а надоест молочко – есть сметанка, а сметанка надоест – налью сливок...

Кикимора от обиды зубами скрипит – домовой с котом дружит, с ней не играет. Кот молоко выпил, с домовым помирал, да и отправился обратно к себе в лес. А Кикимора у ворот притаилась, да как стукнет ухватом! Кот из дома, Кикимора – за ним.

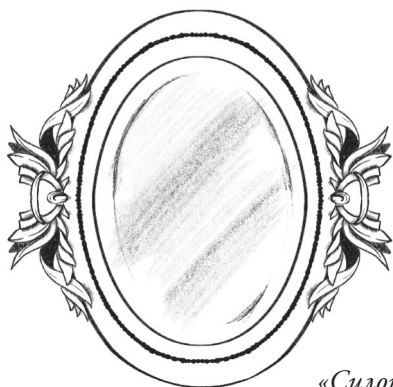

С той давней поры коты с домовыми дружат, а на Кикимор шипят. Предупреждают – не подходи!

То была история, что Матвею бабушка рассказывала. А только есть и другой сказ. Было это давно. В те смутные, тёмные времена хаоса и боли не было между мирами границ. Нечисть держала Совет. Решали – кто рядом с людьми в междумирье застрянет навеки, кто уйдёт туда, куда живым хода нет, а кто будет бродить в пустых лесах да тонких болотах, сторожить проходы. Каждому сословию необходимо существо, что видит оба мира. Проводник. Часовой. Тот, кто предупредит, когда нечисти показаться, когда – прятаться. Магу или колдуну можно и показаться. Ребёнку. А так...

Начнётся среди людей паника и сложный порядок мироздания рассыплется, как хрустальный шар! Тогда и пришли на помощь нечисти коты. Оба мира видят, в оба мира ходят. Вот только кикиморам помогать коты отказались. Сыро на болоте. Лань мокнут. Да и язвухек коты не едят.

Дед Матвей о том часто думал. Может, потому и не поладим тогда Кикимора с котом? Надо бы Ваське обо всём рассказать. Интересно, что кот об этом думает. Кот у него не простой. Учёный. Кот колдун...

ГЛАВА 1

*«Силой слова своего открываю дороги
для души чистой и души тёмной.
Для смелого и робкого. Для гордого и смиренного.
Будь то мужчина, будь то женщина —
иди по дороге, что указываю тебе,
на зов мой, на слово моё. Услышь и узри меня,
где бы ты ни был. Как говорю, так и будет!»*

Кристина заранее настроилась на то, что долго будет искать нужную квартиру, и тут... Случилось чудо!

Нежданное. Негаданное.

Двухкомнатная квартира с действующим камином, в самом сердце Санкт-Петербурга, на Петроградской стороне, в нескольких минутах ходьбы от метро Горьковская.

Такого просто не может быть!

Камин. Настоящий. Действующий! Придётся, конечно, поискать специалиста, проверить, почистить, но в своих мечтах девушка уже посыпала травами пахучими поленья, производя на клиентов неизгладимое впечатление. Она устроит здесь настоящий магический салон — ритуалы, сеансы с картами Таро. Окна оформит тёмными шторами, а старая мебель, что по случаю удалось купить на распродаже, подойдёт этой комнате как нельзя лучше.